

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
Институт управления
Кафедра социологии и организации работы с молодежью
Российское общество социологов
Российское объединение исследователей религии

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

Сборник статей
по материалам четвертой Международной научной конференции

12 сентября 2014 г.

Белгород
2014

УДК: 215:172.3
ББК 86.210.1
С 69

Редакционная коллегия:
С.Д. Лебедев (ответственный редактор),
М. Благович, Л.Я. Дятченко, В.М. Захаров,
И.С. Шаповалова, Л.Н. Шмигирилова
В.В. Сухоруков (технический редактор)

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *М.В. Силантьева*;
доктор социологических наук, доцент *М.Ю. Смирнов*

С 69 **Социология религии в обществе Позднего Модерна** : сбор-
ник статей по материалам четвертой Международной научной
конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / отв. ред.
С.Д. Лебедев. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. –
408 с.

ISBN 978-5-9571-1007-1

Настоящий сборник содержит материалы четвертой Международной научной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна», прошедшей 12 сентября 2014 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Статьи, вошедшие в сборник, представляют спектр актуальных теоретико-методологических и исследовательских направлений, формирующих предметное поле современной социологии религии на стыке с некоторыми смежными социогуманитарными дисциплинами.

Сборник предназначен для социологов-исследователей, религиоведов, философов, историков, политологов, культурологов, теологов, преподавателей и студентов социологических и религиоведческих специальностей.

УДК: 215:172.3
ББК 86.210.1

При информационной поддержке
Центра религиоведческих исследований Университета Белграда, Сербия
(<http://instifdt.bg.ac.rs/crs/index.html>)
Портала «Социология религии» (<http://sociologyofreligion.ru>)
«Русского Журнала» (www.russ.ru)
Портала «Религия и СМИ» (www.religare.ru)
Некоммерческой исследовательской службы «Среда» (www.sreda.org)
Журнала «Новые исследования Тувы» (www.tuva.asia)
Портала Еврорегиона «Слобжанщина» (www.euroregion.ru)

ISBN 978-5-9571-1007-1

© Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

1. Социология религии в Европе и России: стратегические рефлексии научной отрасли

ДЕЙВИ Г., Великобритания, Эксетер. Размышляя социологически о религии в современном мире: европейский взгляд	9
ЛОПАТКИН Р.А., Москва. Об опыте советского периода отечественной социологии религии	14

2. Теоретические и методологические штудии

АРИНИН Е.И., Владимир. Термин «верующий»: лексема, социологические факты и парадоксы интерпретации	27
БАХАРЕВ В.В., Белгород. Российская социология религии в условиях религиозной реинституционализации: к постановке задач	37
ДУДАРЁНОК А.С., Беларусь, Минск. Сфера религиозного в условиях сетевого общества	44
КОВАЛЬСКАЯ К.В., Франция, Париж. Русская православная церковь и гендер: дифференциализм или равенство полов?	51
КОЖЕМЯКИН Е.А., Белгород. Проблема «невыразимости» религиозного знания: социально-конструкционистский подход	58
КОСТЫЛЕВ П.Н., Москва. К критике базовых понятий социологии религии: «Религиозность»	63
МЧЕДЛОВА М.М., Москва. Религия в современном мире: как возможен синтез глобального и традиционного	68
ПОДЛЕСНАЯ М.А., Москва. Теория «чужака» в изучении православного мигранта	74
ПРУЦКОВА Е.В., Москва. Религиозная социализация: проблемы концептуализации и соотнесения микро- и макро-уровней анализа	80
СГИБНЕВА О.И., Волгоград. Религиозная ситуация: основные параметры исследования	89
СУХОРУКОВ В.В., Белгород. Социологические интерпретации воцерковлённости	93
ТРОФИМОВ С.В., Москва. Религиозный индивидуализм и община. Д. Эрвьё-Леже	103
ШАПОВАЛОВА И.С., Белгород, КАМЕНСКИЙ Е.Г., Курск, МЕРЕЖКО А.А., Белгород. Социологические маркеры в исследовании социокультурных феноменов	113
МЕДВЕДЕВА Е.Н., Саратов. Роль религии в современных исследованиях по социологии медицины	122

3. Опыт количественных исследований в социологии религии

БАКРАЧ Вл., Черногория, Никшич. Сравнительный анализ религиозности студентов в Черногории и Сербии	126
БЕЛОВА Т.П., Иваново. Формальные и неформальные религиозные практики студентов	137
БЛАГОЕВИЧ М., Сербия, Белград, ЛЕБЕДЕВ С.Д., Россия, Белгород. Религия и нравственность в студенческой среде России и Сербии	143
БОГАЧЁВ М.И., Москва. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: поиск взаимосвязи	153

ЖЕМЧУРАЕВА С.Ш., ИБРАГИМОВА Э.М., Грозный. Идентичность и формирование установок толерантного сознания и поведения студенческой молодежи Чеченской республики	166
КУБЛИЦКАЯ Е.А., Москва. Развитие процесса десекуляризации в мегаполисе (мониторинговые исследования)	171
ЛУНКИН Р.Н., Москва. Евангельские церкви в Европе	175
МЧЕДЛОВА Е.М., Москва. Что показывает социологическое исследование сознания верующих	186
ПОСПЕЛОВА А.И., Магадан. Сравнительный анализ религиозной ситуации в Магаданской области и данных службы «СРЕДА»	193
РАДИСАВЛЕВИЧ-ЦИПАРИЗОВИЧ Д., Сербия, Белград. Паломники в обществе Позднего Модерна: мотивы паломничества в Сербии	201
ТРИФУНОВИЧ В.С., Сербия, Ягодина. Православная идентичность и образование	208
ЮДИН В.В., Беларусь, Могилев. Динамика и направленность религиозных процессов в современном белорусском обществе	215

4. Опыт качественных исследований в социологии религии

БЁРДЖЕСС Дж., США, Питтсбург. Вера без принадлежности: новый социальный вызов северо-американским церквям	224
ВОРОБЬЁВА Н.Ю., Москва. Православный кинематограф как феномен духовно-нравственной культуры современной России	227
ДРОЗДОВ К.С., Москва. Материалы сектора истории религии и атеизма Института истории АН СССР: к истории советского периода отечественной социологии религии	234
ЖЕРЕБЯТЬЕВ М.А., Воронеж. Формирующийся приход епархиального молодёжного отдела и внеприходская община в номинально-православном средовом окружении (на примере Воронежа)	243
КИДАНОВА А.С., Белгород. Конфессиональное нерелигиозное поведение воцерковленных православных (на примере прихожан Преображенского кафедрального собора г. Белгорода)	253
КРУПКИН П.Л., Франция, Париж. К вопросу о «гражданской религии» РФ: локальные идентичности Ростова-на-Дону и Ярославля.....	257
ПОСПЕЛОВА С.В., Санкт-Петербург. Религиозный туризм на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области	261
РЯЗАНОВА С.В., ЗУБАРЕВА Е.А., Пермь. Сакральное пространство православной Перми: человек XXI в. в храме	264
УФИМЦЕВА Е.И., Саратов. Семейные практики религиозной социализации: исторический аспект	276
ФОЛИЕВА Т.А., Волгоград. Религиозная самосоциализация взрослых как бриколаж (по данным качественного исследования)	283

5. Религия в контексте социального управления

АРЗУМАНОВ И.А., Иркутск. Проблемы государственного регулирования интеграционных процессов в восточно-сибирском регионе XIX–XXI вв.: этноконфессиональный аспект	288
ГОТОВКИНА М.С., Москва. Социальное партнерство РПЦ и системы здравоохранения: проблемы и перспективы	296

КИСИЛЕНКО А.В., Белгород. Религиозный долг как мотив волонтерской деятельности молодежи.....	298
КОПЫЛОВ О.В., Пермь. Межрелигиозный диалог: анализ современной государственно-церковной политики в России.....	302
ШАРОНОВА С.А., Москва. Теологическая методология современных социальных технологий как основа для манипулирования религиозными ценностями.....	307
ГАЙДУКОВА Г.Н., Белгород. Барьеры использования краудсорсингового потенциала в региональном управлении.....	312
ТИМОФЕЕВ В.К., Белгород. Правовые регулятивы деятельности религиозных организаций, зарегистрированных органами юстиции Российской Федерации, на примере Белгородской области.....	318
6. Пограничный дискурс: актуальные идеи в смежных науках	
БАЙОВИЧ Т., Сербия, Белград. Постмодернистский секуляризм: политические ценности студентов в Сербии.....	324
ЗИНЧЕНКО В.В., Украина, Киев. Религиозные структуры в системе формирования институтов гражданского общества Украины.....	330
КЛИНЕЦКАЯ Н.В., Санкт-Петербург. Религия в контексте социальных наук.....	338
КОРНЕЕВА И.П., Белгород. Синергичная парадигма в исследовании религиозной целостности личности и социология религии.....	346
КОРОЧЕНСКИЙ А.П., Белгород. Церковь в медиатизированном обществе.....	350
ЛАМАЖАА Ч.К., Москва. Проявления архаизации и неотрадиционализма в регионах России.....	355
ЛИПИЧ Т.И., ЛИПИЧ Д.В., Белгород. Духовно-нравственное воспитание молодежи в контексте современного диалога государства и церкви.....	359
МИТРОФАНОВА А.В., Москва. Исламофобия и христианофобия как политические дискурсы.....	363
НАСТИНОВА Г.Э., Элиста. Экологические аспекты буддизма.....	369
ОЛЕЙНИКОВ А.А., Москва. Религиозно-нравственные основания моделей рыночной экономики и рационального хозяйства.....	373
ТИХОНОВА С.В., Саратов. Религия как объект правовой политики электронного государства.....	380
ТРИНЁВА О.С., Вознесенка. Взаимовлияние религии и общества на протяжении веков. Подходы к изучению религии и общества.....	385
ГЛЕБОВА Н.С., Москва. Культура современности в странах Арабского Востока: вызовы, проблемы и перспективы.....	388
7. Социологическая публицистика	
РОГОЗЯНСКИЙ А.Б., Санкт-Петербург. Ожидать ли демократизацию в РПЦ?.....	393
ПИТКА С.Н., Белгород. Русская православная церковь как фактор формирования ценностей российской молодежи.....	397
Сведения об авторах	402

CONTENTS

1. Sociology of religion in Europe and Russia: strategic reflections on science

DAVIE G., United Kingdom, Exeter. Thinking sociologically about religion in the modern world: a European view	9
LOPATKIN R.A., Moscow. Towards the experience of soviet period of national sociology of religion	14

2. Theoretical and methodological studies

ARININ E.I., Vladimir. Term «believer»: lexeme, sociological facts and paradoxes of interpretations	27
BAKHAREV V.V., Belgorod. Russian sociology of religion in religious reinstitutionalization conditions: towards task setting	37
DUDARENOK A.S., Belarus, Minsk. The sphere of religion in circumstances of network society	44
KOVALSKAJA K.V., France, Paris. Russian Orthodox Church and gender: differentialism or gender equality?	51
KOZHEMYAKIN E.A., Belgorod. Unexpressivity in religion: several discursive manifestations	58
KOSTILEV P.N., Moscow. Towards critique for basic concepts in sociology of religion: «religiosity»	63
MCHEDLOVA M.M., Moscow. Religion in modern world: how is synthesis of global and traditional possible	68
PODLESNAYA M.A., Moscow. The theory of "stranger" in studying of the orthodox migrant	74
PRUTSKOVA E.V., Moscow. Religious socialization: the problem of conceptualization and analysis on micro- and macro- level	80
SGIBNEVA O.I., Volgograd. Religious situation: basic parameters of research	89
SUKHORUKOV V.V., Belgorod. Sociological interpretations of churchliness	93
TROPHIMOV S.V., Moscow. Religious individualism and community. Danièle hervieu-léger	103
SHAPOVALOVA I.S., Belgorod, KAMENSKY E.G., Kursk, MEREZHKO A.A., Belgorod. Sociological markers and sociological optics in the researches of sociocultural phenomena	113
MEDVEDEVA E.N., Saratov. The role of religion in contemporary researches on the sociology of medicine	122

3. Quantitative research experience in sociology of religion

BAKRACH V., Montenegro, Niksic. Comparative analysis of religiosity of the students in Montenegro and Serbia	126
BELOVA T.P., Ivanovo. Formal and informal religious practices of students	137
BLAGOEVICH M., Serbia, Beograd, LEBEDEV S.D., Belgorod. Religion and morality among Russian and Serbian students	143
BOGACHEV M.I., Moscow. Churchliness and political preferences of orthodox believers: search for interconnections	153

ZHEMCHURAEVA S.Sh., IBRAGIMOVA E.M., Grozny. Identity and formation of young students' tolerant consciousness and behavior in Chechen republic	166
KUBLITSKAJA E.A., Moscow. Development of desecularization process in megapolis (monitoring research)	171
LUNKIN R.N., Moscow. Evangelical churches in Europe	175
MCHEDLOVA H.M., Moscow. What does the research of believers' consciousness show?	186
POSPELOVA A.I., Magadan. Comparative analysis of the religious situation in the Magadan region and data research service «Sreda»	193
RADISAVLJEVICH –CIPARIZOVICH D., Serbia, Beograd. Pilgrims in the late modern society: motives for pilgrimage in Serbia	201
TRIFUNOVICH V.S., Serbia, Jagodina. Orthodox identity and education	208
JUDIN V.V., Belarus, Mogilev. Dynamics and directionality of modern religious processes in modern Belorussian society	215

4. Qualitative research experience in sociology of religion

BURGESS J., USA, Pittsburg. Believing without Belonging: The New Social Challenge to North American Churches	224
VOROBYOVA N.Y., Moscow. The orthodox cinema as a phenomenon of spiritual and moral culture in contemporary Russia	227
DROZDOV K.S., Moscow. Materials of history of religion and atheism sector of Institute of history of USSR ACADEMY of sciences: to history of the soviet period of national sociology of religion	234
ZHEREBJATEV M.A., Voronezh. Forming parish of eparchial youth department and outparish community in nominal orthodox ambience (case of Voronezh)	243
KIDANOVA A.S., Belgorod. Confessional unreligious behavior of churchlinessed orthodox Christians	253
KROOPKIN P.L. France, Paris. On a «civil religion» in Russian Federation: local identities of cities Rostov-na-Donu and Yaroslavl	257
POSPELOVA S.V., Saint Petersburg. Religious tourism to the territory of Saint Petersburg and Leningrad region	261
RJAZANOVA S.V., ZUBAREVA E.A., Perm. Sacral space of orthodox Perm: human of XXI century in temple	264
UFIMTSEVA E.I., Saratov. Family practice religious socialization: historical aspect	276
FOLIEVA T.A., Volgograd. Religious self-socialization of adults as bricolage (according to the data of qualitative research)	283

5. Religion in social management context

ARZUMANOV I.A., Irkutsk. Problems of governmental regulation of the integration processes in the east siberian region xix-xx centuries: ethnoconfessional aspect	288
GOTOVKINA M.S., Belgorod. Social partnership of roc and health care system: problems an prospects	296
KISILENKO A.V., Belgorod. Religious duty as a motive youth volunteer activity	298

KOPYLOV O.V., Perm. Interreligion dialogue: analysis of state-church politics in Russia	302
SHARONOVA S.A., Moscow. Theological methodology the sociotechnics – the soil for a manipulation religious consciousness	307
GAIDUKOVA G.N., Belgorod. The barriers of using crowdsourcing potential in regional management	312
TIMOFEEV V.K., Belgorod. Legal regulators of the activity of religious organizations are registered bodies of justice of the Russian Federation on the example of Belgorod Region	318

6. Border discourse: actual ideas in related sciences

BAJOVICH T., Serbia, Beograd. Postmodern secularism: political values of students in Serbia	324
ZINCHENKO V.V., Ukraine, Kyiv. Religious structures in system of civil society institutes formation in Ukraine	330
KLINETSKAJA N.V., Saint Petersburg. Religion in the context of social sciences	338
KORNEEVA I.P., Belgorod. Believer in God: points of systematic approach	346
KOROCHENSKIY A.P., Belgorod. International christian media monitoring and media criticism in globalized world	350
LAMAZHAA Ch.K., Moscow. Forms of religious archaization and neotraditionalism in regions of Russia	355
LIPICH T.I., LIPICH D.V., Belgorod. Spiritual and moral upbringing for youth in context of modern state and church dialogue	359
MITROFANOVA A.V., Moscow. Islamophobia and christianophobia as political discourses	363
NASTINOVA G.E., Elista. Ecological aspects of buddhism	369
OLEYNIKOV A.A., Moscow. Religious and moral grounds of models of market economy and the national economy	373
TIKHONOVA S.V., Saratov. The legal pluralism and modern sociological law theories in methodology of the confessional legal policy	380
TRINEVA O.S., Voznesenovka. Interinfluence of religion and society during the centuries. Approaches to religion and society research	385
GLEBOVA N.S., Moscow. The culture of modernity in countries of the Arab World: challenges, problems and perspectives	388

7. Sociological journalism

ROGOZYANSKIY A.B., Saint-Petersburg. Whether to expect democratization in Russian Orthodox Church?	393
PITKA S.N., Belgorod. Russian orthodox church as a factor of formation of values among russian youth	397

Blagoevich M.

(Beograd University, Serbia, Beograd)

Lebedev S.D.

(NRU «Belgorod State University», Belgorod)

RELIGION AND MORALITY AMONG RUSSIAN AND SERBIAN STUDENTS

Abstract. The paper presents the results of some comparative studies of religious and moral orientations, and their interrelation among Russian and Serbian students nowadays. With very close figures of religious (50-60%) and confessional (80-88% Orthodox) identity, religious Serbian students significantly (on average 2 times) more religiously active than their Russian counterparts. The tendency of contrasting private and public perception of the religious sphere is also less expressed with the Serbs. Connection of moral orientations with religiosity, defined by the degree of active altruism set preference by the respondents, is stronger among Russian students, that can be explained by a relatively greater degree of "blurring" of secular morality in Russia.

Key words: religion, morality, altruism, student youth, Russia, Serbia.

В настоящее время у многих россиян и сербов складывается мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой следует духовное перерождение, а точнее – вырождение общества [3]. Традиционно «авангардом» разрушения моральных и нравственных устоев обыденное сознание склонно считать молодое поколение. В то же время, вопреки этим стереотипам, религиозные и нравственные ценности выступают важной составляющей как образа жизни, так и образа мышления многих образованных молодых людей в наших странах. В данной связи выявление реального состояния и динамики нравственного и религиозного сознания, их взаимосвязи в молодёжной и, в частности, студенческой среде представляется актуальной задачей социологии [10].

Соотношение религиозного и нравственного сознания студенческой молодёжи стало предметом сравнительного международного исследования. Первым его этапом стало исследование студентов республики Сербии, проведённом весной 2013 г. под руководством М. Благоевича. Исследование охватывало студентов 3 курса всех основных высших учебных заведений Сербии (университеты в городах Белград, Косовска Митровица, Крагујевац, Ниш, Нови Пазар, Нови Сад, Панчево, Сомбор); выборка включала 1056 респондентов. Квотные признаки: пол респондента (48,1% юношей и 51,9% девушек), направление подготовки и курс (92,7% третий) [1].

В октябре 2013 г. был проведён российский этап исследования «Религиозные и нравственные ценности российских студентов» (рук. С.Д. Лебедев, при участии А.И. Алексеенко, А.А. Никитенко, Ю.О. Ряшиновой). Методом сбора данных выступил анкетный опрос. В опросе приняли участие 346 респондентов, из них 214 (61,85%) девушек и 132 (38,15%) юношей, обучающихся в высших учебных заведениях Белгорода, Костромы и Курска. Модели выборки: квотная, пропорциональная. Квотные признаки: пол респондента (38,15% юношей и 61,85% девушек), направление подготовки (социально-экономическое (35,26%), техническое (18,21%), естественно-научное (5,78%), медицинское (16,47%) и гуманитарное (24,28%)) и курс (100% третий).

Результаты обработки данных позволили прийти к следующим выводам.

Для заметной части населения России и Сербии религия является неотъемлемой частью жизни [8; 9; 2]. Вопрос о соотношении количества верующих и неверующих в современных, особенно в постсоциалистических восточноевропейских, обществах является одним из наиболее дискуссионных в социологии религии [5]. Общепринятыми критериями различения религиозной и нерелигиозной части населения выступают: религиозная самоидентификация (вера/неверие в Бога и сверхъестественное); конфессиональная самоидентификация (отнесение/неотнесение себя к конкретному вероисповеданию); религиозная (главным образом, культовая) активность; степень значимости Бога и религии в жизни личности/группы.

1. В данной связи одним из ключевых вопросов, предложенных респондентам, был вопрос «Верят ли они в то, что Бог есть?». При ответе на данный вопрос выяснилось, что 59,0% российских респондентов верят в Бога, 24,0% – верят в то, что «существует высшая сила или дух, но не уверены, Бог ли это», и всего 9,5% ответивших «не уверены, что Бог есть». Что касается студентов Сербии, то среди них верят в Бога 55,0%; верят в то, что «существует высшая сила или дух, но не уверены, Бог ли это» 24,9%, и «не уверены, что Бог есть» 10,8% опрошенных. Не думают, что Бог, дух или высшая сила существуют, 6,4% и 9,3% российских и сербских студентов, соответственно (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. «Вы верите в то, что Бог есть?»

На вопрос «Какое место в Вашей жизни занимает Бог?» ответы российских и сербских студентов немного расходятся в процентном соотношении, но в целом студенческая молодежь, как России, так и Сербии считают важным присутствие в своей жизни Бога (см. таблицу 1).

Таблица 1

«Какое место в Вашей жизни занимает Бог?»¹

	Совсем не важно							Очень важно		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сербские студенты	12,7	5,7	6,3	4,4	11,0	6,0	8,1	10,9	9,6	24,6
Российские студенты	7,0	3,5	7,0	7,3	13,9	11,01	12,8	11,9	6,1	12,5

¹ Проценты считались от числа выбравших 1-ю и 3-ю позиции в предыдущем вопросе.

Таким образом, согласно критерию религиозности по самоопределению, соотношение религиозных и нерелигиозных студентов в российской и сербской выборках примерно одинаково (верующих в Бога – больше половины, но меньше двух третей от всех опрошенных). В то же время реальная высокая значимость Бога в жизни (три последние градации шкалы значимости) характерно лишь для примерно половины от числа верующих в Бога. Что касается самооценки респондентами значимости Бога в своей жизни, то те, для кого Бог «очень важен», относительно преобладают и там, и там, но при этом сербские студенты больше тяготеют к крайним градациям шкалы, тогда как российские – к её средним значениям.

2. В отношении конфессиональной самоидентификации респондентов анализ результатов показал, что значительное большинство российских и сербских студентов исповедует православие (80,3% и 87,9% соответственно), на втором месте – ислам (2,9% и 3,6%, соответственно). Доля представителей других конфессий находится в пределах ошибки выборки: так, например, в России к католицизму и буддизму себя относят по 0,6%, к протестантским деноминациям – 2,9% опрошенных студентов; в Сербии к католицизму причисляют себя 1,9%, к протестантству – 0,8% (см. диаграмму 2).

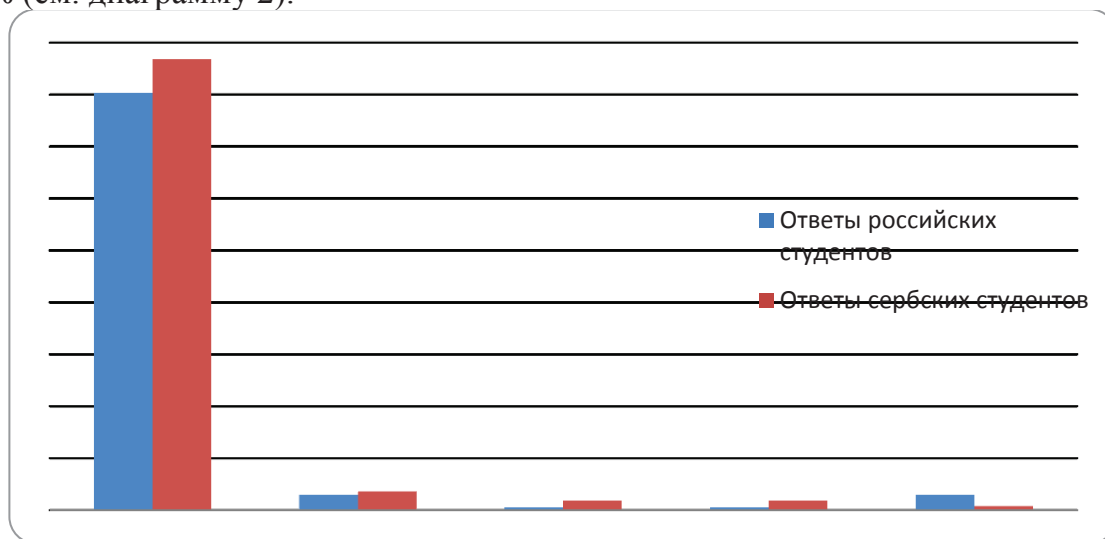

Диаграмма 2. «Какую веру Вы исповедуете?»

Исследование подтвердило присущий современной религиозной ситуации в целом по России феномен, когда доля респондентов, относящих себя к определённой конфессии, превышает долю респондентов, определяющих себя как верующие [7, с. 19]. Таким образом, респонденты определяют свою культурную самоидентификацию, соотнося себя скорее с православной культурой, чем с православной верой, причём, с учётом ответов на первый вопрос, сербским студентам это оказалось присуще даже в несколько большей степени, чем российским.

3. Так как большинство респондентов определили себя «верующими», то с целью уточнения степени влияния на них религии необходимо было выяснить степень их религиозной активности. В данной связи показательными оказались ответы на вопрос «Как часто в Вашей жизни происходит...» (имелись в виду наиболее значимые религиозные, культовые действия и события). 41,6% опрошенных студентов российских вузов часто празднуют религиозные праздники (Рождество, Пасху); 16,2% респондентов часто обращаются к Богу посредством молитвы вне церкви; часто присутствуют на воскресном богослужении и совершают таинство Причастия соответственно 5,2% и 5,5% опрошенных. 9,5% респондентов «часто» и ещё 31,5% «иногда» участвовали в церковном обряде похорон – отпевания усоп-

ших близких. Наконец, соблюдают пост, исповедуются духовнику, участвуют в благотворительных акциях и читают религиозную литературу по 2% опрошенных российских студентов. Вне зависимости от религиозных праздников, венчания, похорон, большинство российских респондентов посещают церковь редко или не посещают её: «иногда» – 31,8%, «никогда» – 34,4% (часто – всего лишь 5,2%).

Что касается сербских студентов, то среди них празднуют религиозные праздники (Рождество, Пасху) часто 79,8%; часто обращаются к Богу посредством молитвы вне церкви 24,3%; часто присутствуют на воскресном богослужении 9,5%; часто совершают таинство Причастия (важнейшее для православных верующих) 12,1% опрошенных. Участвовали в церковном обряде похорон – отпевания усопших «часто» 52,4% и «иногда» еще 32,1% (последнее связано с более распространёнными в Сербии традиционными отношениями «большой семьи»). Наконец, соблюдают пост часто 27,3%, исповедуются духовнику часто 6,5%, участвуют в благотворительных акциях 8,6% и читают религиозную литературу 8,1% опрошенных сербских студентов (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. «Как часто в Вашей жизни происходит...»

Из этих данных можно видеть, что показатели религиозной активности сербских студентов превышают аналогичные показатели религиозной активности российских студентов в среднем приблизительно в 2 раза. Как следствие, можно с высокой вероятностью сделать вывод, что влияние религии на сербскую студенческую молодёжь носит более интенсивный, глубокий характер, чем на российскую, более подверженную, по определению Б.В. Дубина, «симулятивной идентификации» с религиозной традицией [4, с. 184, с. 402]. Исходя из этого, мы имеем основания для гипотезы о том, что различия в ценностных ориентациях между верующей и неверующей частью сербских студентов будут выражены более контрастно, нежели аналогичные различия между верующими и неверующими российскими студентами.

4. Следующий вопрос был ориентирован на выявление определяющего семантического контекста понятия «религия» по принципу семантического дифференциала Ч. Осгуда (шкала «частное – общественное»). Он направлен на проверку гипотезы о «приватизации религии» в сознании студентов наших стран, которая в целом подтвердилась. 68,5% российских респондентов ответили, что религия – «частное дело каждого»; 26,5% считают, что это «частное и общественное дело», и лишь 4,9% считают религию делом «общественным»

Соответственно, сербские студенты несколько реже считают религию сугубо «частным» делом (62,0%) и несколько чаще – «и частным, и общественным делом» (33,4%). «Общественным делом» склонна считать религию такая же малая часть из них, как и среди российских студентов – 4,6%. На наш взгляд, это довольно показательные данные, говорящие о том, что религия в наших обществах сильно «приватизирована»; однако при этом восприятие религии в Сербии менее дифференцировано на «приватную» и «публичную» сферы, и в этой связи соотношение интересов верующего индивида и общества («жизненного мира» и «системы», по Ю. Хабермасу) в сознании сербских студентов более гармонично, нежели в сознании российских (см. диаграмму 4).

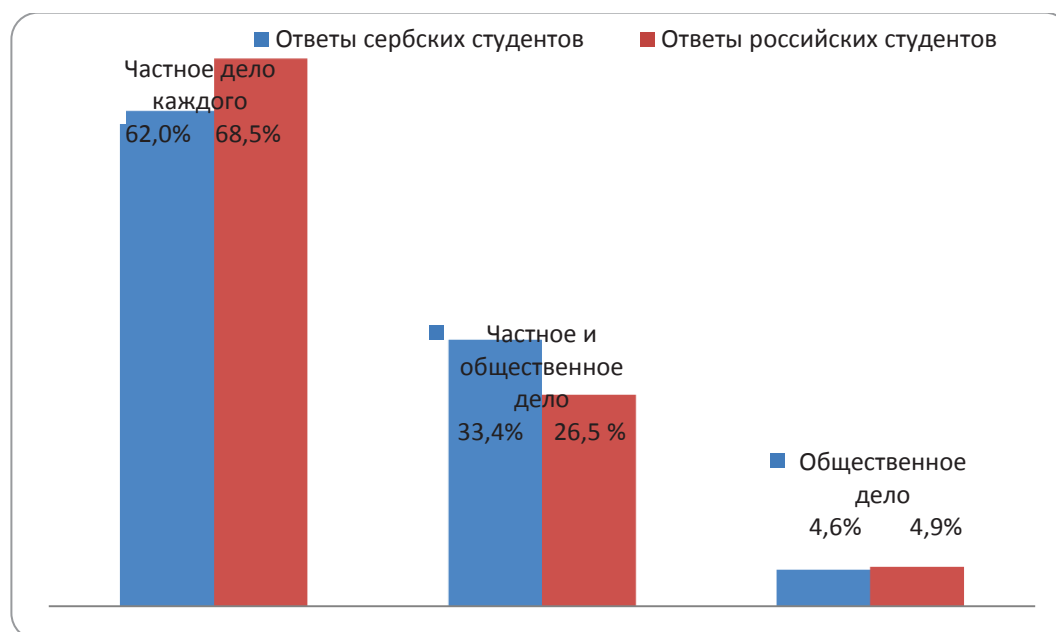

Диаграмма 4. «Вы думаете, что религия – это...»

5. Вопрос о связи между религией и нравственностью в современном обществе является дискуссионным. С одной стороны, религиозная вера и традиции являются исключительно сильным и исторически долговременным фактором утверждения и сохранения в обществе морально-нравственных норм и ценностей. С другой стороны, вызывает обоснованные сомнения наличие прямой корреляции между религией и нравственностью в условиях, когда влияние религиозной традиции и в целом традиционных механизмов социального контроля предельно ослаблено, и религия в существенной степени «приватизирована». В современных российском и сербском обществах нравственные устои правомерно рассматривать не столько как непосредственное наследие традиционно-религиозного влияния, сколько как пережитки традиционалистско-модернистской светской культуры периода социализма [6, с. 121], инерция которой всё ещё сохраняется. Наше исследование не позволяет проверить каузальную гипотезу, поскольку для этих целей требуется экспериментальная база; мы ограничимся структурной гипотезой, описывающей характер связи между отношением респондента к религии и его мотивацией к нравственному поведению. Гипотеза может быть сформулирована так: склонность к нравственному поведению, показателем которой в сознании респондента выступает установка активного альтруизма, возрастает по мере роста значимости религии в жизни респондента. В то же время этот рост относительно невелик, поскольку нравствен-

ность в современном обществе легитимирует в основном базовая светская культура, – тогда как религиозная культура, в которую постепенно интегрируется человек верующий, надстраивается на её основе и оказывает дополнительное легитимирующее влияние на значимость нравственных ценностей.

Рассмотрим таблицу сопряженности двух ключевых показателей: значимости для респондента религиозной сферы его жизни (независимая переменная) и значимости для него установки активного альтруизма, в качестве индикатора которой выступает жизненная цель «помогать людям, попавшим в беду» (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сопряженность по признакам значимости
религиозной сферы и установке активного альтруизма

		Помогать людям, попавшим в беду, %											
		Очень важно		Важно		Не знаю		Неважно		Совсем не важно		Всего	
		Серб	Рос	Серб	Рос	Серб	Рос	Серб	Рос	Серб	Рос	Серб	Рос
Сфера жизни – религия	Очень важно	51,7	46,9	44,9	38,8	1,9	12,2	1,0	0,0	0,5	2,0	100,0	100,0
	Важно	37,0	26,0	54,1	59,1	7,3	13,0	0,6	1,3	0,9	0,6	100,0	100,0
	Не знаю	25,9	10,8	59,5	64,9	12,3	24,3	1,8	0,0	0,5	0,0	100,0	100,0
	Неважно	30,7	8,2	55,8	61,2	11,0	24,5	1,8	6,1	0,6	0,0	100,0	100,0
	Совсем не важно	25,9	5,0	58,3	70,0	11,5	15,0	3,6	6,1	0,7	0,0	100,0	100,0
	Всего	35,1	22,0	54,3	58,4	8,4	17,1	1,5	5,0	0,7	5,0	100,0	100,0

Из числа тех сербских студентов, для кого религия в жизни «весьма важна», помогать людям, попавшим в беду, «весьма важно» оказалось в 51,7% случаев (это максимум по всему массиву). Вариант «важно» выбрали 44,9% из них; варианты «неважно» и «совсем неважно» – соответственно, 1,0% и 0,5 %; затруднились ответить – 1,9%. Эти данные красноречиво свидетельствуют об очень высоком уровне

легитимации действенной помощи «ближнему» в актуальных религиозных культурах сербской студенческой молодежи.

Для тех представителей сербского студенчества, которые обозначили религиозную сферу жизни как «важную» для себя, первые две позиции действенного альтруизма сохраняют свою приоритетную значимость, но меняются местами: «весьма важно» 37,0%, «важно» 54,1%. Несколько возрастает количество затруднившихся с ответом – 7,3%.

Те сербские студенты, для кого религиозная сфера «не важна», считают для себя «очень важным» помогать попавшим в беду людям в 30,7% случаев, «важным» – 55,8%; затруднившихся здесь 11,0%.

Что касается той подгруппы сербских студентов, для которой сфера религии «совсем не важна», установка действенного альтруизма «очень важна» в 25,9% случаев, просто «важна» – в 58,3% случаев; затруднились ответить из них 11,5%. Наконец, из числа затруднившихся определить для себя значимость религии представителей сербской студенческой молодежи 25,9% в отношении помощи попавшим в беду выбрали для себя вариант «очень важно», 59,5% – «важно», и затруднились ответить 12,3%.

Здесь обращает на себя внимание плавное снижение выбора варианта «весьма важно» по мере снижения личностной значимости религиозной сферы с 51,7% до 25,9% – ровно в 2 раза, и возрастание популярности выбора «важно» с 44,9% до 58,3% (на 1/3), а также рост неопределенности с 1,9% до 11,5% (в 6 раз). Помимо этого, со снижением значимости религии для личности растёт выбор крайне эгоистической установки, когда помощь людям, попавшим в беду, для человека «не важна»: от 1,0% до 3,6%.

Что касается выборки российских студентов, то они продемонстрировали по аналогичным вопросам сходные результаты с некоторыми отличиями. Так, из числа тех, для кого религия в жизни «весьма важна», помогать людям, попавшим в беду, «весьма важно» оказалось в 46,9% случаев (что несколько меньше, чем у сербов, но вполне сопоставимо с ними). Вариант «важно» выбрали 38,8% (примерно настолько же меньше, как и в предыдущем показателе); варианты «неважно» и «совсем неважно» – соответственно, 0,0% и 2,0%, что сопоставимо с сербскими данными (и так же, как они, находится в пределах статистической погрешности). Значительная разница выявилась в части затруднившихся ответить – 12,2%, что почти в 6 раз превышает аналогичный сербский показатель. Религиозная часть российских студентов, следовательно, в сильной степени ориентирована на действенную помощь «ближнему», но этот ориентир у неё несколько больше «размыт» в сравнении с религиозными представителями сербской студенческой молодежи.

Для тех представителей российского студенчества, которые обозначили религиозную сферу жизни как «важную» для себя, первые две позиции действенного альтруизма так же сохраняют свою приоритетную значимость, но меняются местами: «весьма важно» 26,0%, «важно» 59,1%. Тенденция здесь та же, что и у сербских студентов, но выражена сильнее: умеренная позиция альтруизма перевешивает максималистическую позицию не в полтора, а более чем в два раза. Количество затруднившихся с ответом примерно такое же, как и в предыдущем случае – 13,0%, что почти вдвое превышает аналогичный сербский показатель (7,3%).

Дальше между представителями студенчества России и Сербии проявляются более существенные различия. Из тех российских студентов (напомним – речь идёт о традиционно-православных регионах Центрального Федерального округа), для кого религиозная сфера «не важна», считают для себя «очень важным» помогать

попавшим в беду людям всего 8,2% (для сравнения: у сербов 30,7%), «важным» – 61,2% (у сербских студентов 55,8%). При этом несколько возрастает количество «эгоистов», для которых помогать тем, кто попал в беду, «неважно» (6,1%) Затруднившихся здесь 24,5% – это в два с лишним раза больше, чем у сербов (11,0%) и почти вдвое больше, чем у тех российских студентов, для которых религия важна.

Что касается той подгруппы российских студентов, для которой сфера религии «совсем не важна», то установка действенного альтруизма «очень важна» для них в 5,0% случаев, просто «важна» – в 70,0% случаев; затруднились ответить из них 15,0%. Наконец, из числа представителей российской студенческой молодежи, затруднившихся определить для себя значимость религии, 10,8% в отношении помощи попавшим в беду выбрали для себя вариант «очень важно», 64,9% – «важно», по-прежнему 6,1% – «неважно», и затруднились ответить 24,3%.

Здесь обращает на себя внимание значительно более контрастное, чем у сербов, снижение выбора варианта «весьма важно» по мере снижения личностной значимости религиозной сферы от максимума до минимума с 46,9% до 5,0% – более чем в 9 раз, и более заметное возрастание популярности выбора «важно» с 38,8% до 70,0% (почти в 2 раза). Также по мере снижения личностной значимости религии неопределенность позиции по шкале «альтруизм – эгоизм» возрастает всего вдвое с 12,2% до 24,5% (а не в 6 раз, как у сербов) – причем с максимумом не в крайней, а в умеренной арелигиозной позиции («неважно»). И также со снижением значимости религии для личности респондента растёт выбор крайне эгоистической установки от 0,0% до 6,1%; но в то же время и здесь экстремальный вариант «совершенно не важно» оказался на нулевых позициях.

В целом, в плане соотношения личностной значимости религии (по критерию самооценки) и альтруистической установки сознания, и российские, и сербские студенты проявили тенденцию к усилению альтруизма по мере возрастания значимости религиозной сферы в своей жизни. В этой части наша гипотеза подтвердилась. В данном плане сербы несколько опережают россиян по абсолютным показателям распространённости установки на помощь людям, попавшим в беду. Но предположительная функциональная зависимость этой установки от значимости религиозной сферы жизни оказалась сильнее у российских студентов. Общим является также снижение неопределённости этической позиции респондентов по мере возрастания личностной значимости религии; однако количество «неопределившихся» среди российских студентов стабильно вдвое выше, чем у сербских. Всё это предположительно указывает на большую стабильность в сфере нравственного сознания сербских студентов и относительно меньшую степень влияния на него религиозных флуктуаций по сравнению со студентами из России, где процессы «переоценки ценностей» идут в более остром режиме и более зависят от «смежных» факторов духовной жизни и общественного сознания.

Таким образом, наши общие выводы по проведённому исследованию в части религиозных и нравственных ориентаций российских и сербских студентов представляются следующими.

По критерию *религиозной самоидентификации* верующих среди и российских, и сербских студентов оказалось в интервале от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ от массива; в то же время реальная высокая значимость Бога в жизни (три последние градации шкалы значимости из десяти) характерна лишь для примерно половины от числа верующих в Бога. Как следствие, можно говорить о заметном, но не преобладающем уровне религиозности студенческого контингента наших стран (порядка 25-30%).

В плане конфессиональной самоидентификации среди российского и сербского студенчества абсолютно преобладает православное христианство (80% и 88% соответственно). В целом респонденты определяют свою культурную идентичность, соотнося себя скорее с православной культурой, чем с православной верой, причём сербским студентам это оказалось присуще даже в несколько большей степени, чем российским.

При этом показатели *религиозной активности верующих* сербских студентов превышают аналогичные показатели религиозной активности верующих российских студентов в среднем приблизительно в 2 раза. Как следствие, можно с высокой вероятностью сделать вывод, что прямое влияние религии на сербскую студенческую молодёжь носит более интенсивный, глубокий характер, чем на российскую, более подверженную, по определению Б.В. Дубина, «симулятивной идентификации» с религиозной традицией [4, с. 184, с. 402]. Сербские студенты более дифференцированы в плане отношения к религии, нежели российские, у них чётче проявляются различия на уровне сознания и поведения между верующими и неверующими.

Религия в сознании российского и сербского студенчества сильно «*приватизирована*» (абсолютное большинство – 68% и 62% опрошенных, соответственно – считает её сугубо частным делом, тогда как сугубо общественным делом религию полагает менее 5%); в то же время восприятие религии представителями студенчества Сербии менее дифференцировано на «приватную» и «публичную» сферы, и в этой связи соотношение интересов верующего индивида и общества («жизненного мира» и «системы», по Ю. Хабермасу) в сознании сербских студентов представляется несколько более гармоничным, нежели в сознании российских студентов.

Что касается *нравственных ориентаций*, определяемых по степени предпочтения установки на помощь людям, попавшим в беду, то их *зависимость от личностной значимости религии* (по критерию самооценки) носит относительный характер. И российские, и сербские студенты в целом проявили тенденцию к усилению альтруизма по мере возрастания значимости религиозной сферы в своей жизни. В данном плане сербы несколько опережают россиян по абсолютным показателям распространённости установки активного альтруизма; но функциональная зависимость этой установки от значимости религиозной сферы жизни оказалась сильнее у российских студентов. Общим является также снижение неопределённости этической позиции по мере возрастания личностной значимости религии, однако, количество «неопределившихся» среди российских студентов стабильно вдвое выше, чем у сербских. Всё это может быть объяснено легитимирующим нравственные ценности влиянием базисной светской культуры, которая в меньшей степени подверглась «размыванию» в Сербии, чем в России, и тем, что в России религиозность в большей степени восполняет нравственно-легитимирующую функцию переживающей затяжной кризис светской морали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blagojević M., Jablanov Maksimović J., Bajović T. (Post)sekularni obrt: religijske, moralne i društveno-političke vrednosti studenata u Srbiji. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju (Centar za religijske studije – Beograd), Fondacija Konrad Adenauer (Beograd), Centar za evropske studije (Brisel), 2013. Str. 280.

2. Благоевич М. Десекуляризация сербского общества // Теория и практика общественного развития. 2012. №4. С. 105–111.

3. Гавриловић Д., Стјепановић Захаријевски Д. Традиционалне и модерне вредности у транзиционој Србији // Теме. Г. XXXVI. Бр. 3. Ниш. јул – септембар 2012. С. 1087–1102.

4. Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М., 2007. 408 с.
5. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 153–155.
6. Коровицына Н.В. С Россией и без неё: Восточноевропейский путь развития. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. – 288 с.
7. Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. № 4. 2012. С. 11–24.
8. Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян (1989 – 2012) // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Материалы III Международной научной конференции / Отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 324–343.
9. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 89–96.
10. Хриенко А.П. Метаморфозы религиозно-нравственной детерминации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 80–87.

REFERENCES

1. Blagojevich M., J. Jablanov Maksimovic, Bajovich T. (Post)secular twist: the religious, moral and socio-political values of students in Serbia. Belgrade: Institute for Philosophy and Social Theory (Center for Religisk Studies - Belgrade), the Konrad Adenauer Foundation (Belgrade), Centre for European Studies (Brussels), 2013. 280th Pp.
2. Blagojevich M. Desecularization of Serbian society// Theory and practice of social development. 2012. №4. P. 105–111.
3. Gavrilovich D., Stepanovich Zakharijevski D. Traditional and modern problems in transitional Serbia // Theme. V. XXXVI. №3. Nish. july – september 2012. P. 1087–1102.
4. Dubin B.V. To live in Russia at the turn of the century. Sociological essays and considerations. M., 2007. 408 p.
5. Lebedev S.D. Religiosity: in search of “Rubicon” // Sociological journal. 2005. № 4. P. 153–155.
6. Korovitsina N.V. With Russia and without it: Eastern European way of development. – М.: Publishing house EKSMO, 2003. – 288 p.
7. Mchedlova M. M. Modern parameters of religion returning: problem perspectives // Vestnik Instituta sotziologii. № 4. 2012. P. 11–24.
8. Sinelina Y. Y. Dynamics of Russians’ religiosity (1989 – 2012) // Sociology of religion in the late modern society (memory for Y.Y. Sinelina) : Materials of III International scientific conference / Resp. editor S.D. Lebedev. Belgorod: PH «Belgorod», 2013. P. 324–343.
9. Sinelina Y. Y. On criteria of religiosity definition of population// Sociological researches. 2001. № 6. P. 89–96.
10. Khrienko A.P. Metamorphoses of religious moral determination of modern youth// Sociological researches. 2007. № 7. P. 80–87.

Богачёв М.И.

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва)

ВОЦЕРКОВЛЕННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ: ПОИСК ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию связи между принадлежностью к церкви и политическими предпочтениями православных верующих. Автор проанализировал данные «Социальной стратификации российского общества». Он искал связь между принадлежностью к церкви и голосованием за «Единую Россию». Исследователь приходит к выводу, что связь переменных имеет слабую статистическую значимость.

Ключевые слова: политология религии, политика и религия, принадлежность к церкви, «Единая Россия», православие.

Bogachev M.I.

(NRU «Higher economics school», Moscow)

CHURCHLINESS AND POLITICAL PREFERENCES OF ORTHODOX BELIEVERS: SEARCH FOR INTERCONNECTIONS

Abstract. The article was devoted the research of connection between apartment to the church and political preferences of orthodox believers. The author analyzed the data “Socialnay stratifikaciay sovremennogo rossiiskogo obshestva”. He looks for connection between apartment to the church and voting for “United Russia”. The researcher make conclusion that variables have feeble statistical significance connection.

Key words: political science of religion, politics and religion, apartment to the church, “United Russia”, Orthodoxy.

Введение

В течение последних десятилетий мы можем наблюдать тенденцию усиления позиций религии в российском обществе. Если в 1989 г. 21,9% граждан РФ идентифицировали себя как православные верующие, то в 2013 г. уже 64% россиян считало себя «православными» [2]. Однако изменения происходят не только на количественном, но и на качественном уровнях. Меняются не только показатели численности «православных» верующих, но и их поведенческие характеристики, предпочтения [14]. Кроме того наблюдаемый в последние годы тренд показывает неуклонное увеличение количества брендов, аффилирующих производителя и товар с тем или иным вероучением, что свидетельствует не только о высоком потенциале конфессионально ангажированного рынка, но и об усиливающихся расхождениях в поведенческих установках религиозных и нерелигиозных граждан РФ [4; 13].

Проблемное поле

Интенсификация контроверз в поведении представителей различных религиозно-мировоззренческих групп затрагивает и сферу политического. В качестве доказательства этого тезиса можно привести пример неодинаковой поддержки «православной общественностью» [12] таких политических событий как митинг на Болотной площади в декабре 2011 г. и «Русских маршей» в 2011-2013 гг. На «Русских маршах» ежегодно можно наблюдать большое количество граждан, открыто обо-